Феликс КОН

ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ

КОЛОНИЯ ПАНСКОЙ ПОЛЬШИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК МОПР
1928

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ (МОПР)

ФЕЛИКС КОН

ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ — КОЛОНИЯ ПАНСКОЙ ПОЛЬШИ

(К ПРОЦЕССУ НАД БЕЛОРУССКОЙ ГРОМАДОЙ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК МОПР СССР
МОСКВА—1928

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ТИПОГРАФИЯ
НКВМ
Москва, ул. Маркса
и Энгельса, дом 17

Мосгублит № 6070
Тир. 15.000 экз.
Зак. № 316.

Года два тому назад депутат Тугут, говоря о так называемых „кресах“ (окраинах), т. е. о территориях Украины и Белоруссии, отторгнутых Польшей от советских республик, предостерегал, что „если в ближайшее время не будут проведены радикальные изменения, то неизбежно всеобщее вооруженное восстание“.

Такое состояние отмечал не один Тугут.

„Знатоки восточных окраин,—звонил в набат „Курьер Польский“,—все чаще и чаще обращают внимание на то, что, с момента присоединения к Речи Посполитой, отношения на окраинах ухудшаются из года в год, из месяца в месяц, а может быть—и изо дня в день. Враждебные нам тенденции проявляются все отчетливее и отчетливее и все глубже и глубже проникают в широкие массы. Соглашение с местными деятелями, взоры которых обращены на „Большевию“, становится все труднее и труднее. Причина всего этого кроется не в агитации каких-то агентов. Мы сами способствуем этому“.

Указав на то, что, когда на теперешних польских „кресах“ была Советская власть, земля, отнятая у помещиков—поляков и русских, была передана крестьянам—белоруссам и украинцам, „Курьер Польский“ подчеркивает: „Этим был разрешен не только социальный, но и национальный вопрос, так как 73% населения — это земледельцы. Национальный вопрос на окраинах совпадает с аграрным. Об этом нельзя забывать. А Польша словно не заметила этой стороны вопроса и приступила к колонизации“.

Автор этой статьи знаком с условиями „кресов“; он знает, что на окраинах очень мало удобной земли, и констатирует, что „колонизация ударила окраины по больному месту, взволновала население, вызвала и продолжает вызывать в нем огромную горечь“.

Автор не останавливается на том, во что выливается эта горечь; он лишь скорбно отмечает, что „если немцы называют Польшу сезонным государством, то крестьянин на окраинах таким же образом формулирует свое мнение о Польше и свою принадлежность к ней считает временной“.

К этой характеристике положения на окраинах, в частности же в западной Белоруссии, нам остается добавить лишь то, что бросает яркий свет на отмечаемые и Тугутом и „Курьером Польским“ явления. Прежде всего мы остановимся на одном вопросе, имеющем огромное значение для уяснения разыгрывающихся в З. Белоруссии событий.

Если Польша, хоть и скрепя сердце, но признает, что украинцы представляют обособленную национальность, то относительно белоруссов она этого не признает.

„Ни о каком белорусском народе не может быть и речи,—писал еще в 1910 г. Владислав Студницкий, тот самый, который, будучи в дни своей молодости социалистом, вскоре переметнулся в лагерь национал-демократов, затем во время войны был германофилом, а теперь снабжает своими статьями монархические органы,—так как у белоруссов нет никаких собственных традиций. О белорусской культуре не приходится говорить: она является лишь сферой перекрещивания польских и русских влияний. Белоруссы—это этнографический материал, это промежуточная форма между поляками и русскими“.

Такое отношение к белоруссам, как национальности, легло в основу всей национальной политики Польши в Зап. Белоруссии. Вот программа, намеченная в 1923 г. проф. Станиславом Грабским, одним из лидеров

национал-демократической партии и бывшим министром народного просвещения:

„При тех условиях, когда в отошедшей к нам части Белоруссии главная масса населения состоит из белоруссов-католиков, молящихся в костелах по польским молитвенникам, когда есть возможность вдвое увеличить население путем переселения католиков с Запада, когда единственным крупным центром в стране является насквозь польское (?) Вильно—об'единение этой страны в национальном отношении с Польшей является относительно легким. Надо только, чтобы мы сами не создавали совершенно ненужного „белорусского вопроса". Весь „белорусский вопрос" или—точнее—вопрос о территории, на которой большинство населения составляют белоруссы, является почти исключительно культурно-хозяйственным вопросом — вопросом надлежащего развития польских школ, развития в городах и местечках польских общественных и просветительных учреждений, усиления на этой территории польской интеллигенции и, наконец, проведения в этом крае мелиоративных работ для усиления колонизации".

Эта программа, полностью позаимствованная у правителей Пруссии, проводивших ее в оное время по отношению к Польше, была „сдобрена" и пополнена применявшейся царскими сатрапами программой руссификации по отношению к самой Польше, в той ее части, которая находилась под скипетром Романовых.

Результаты этого сказались довольно скоро.

К началу 1922 г. т. н. „Гражданское управление восточных территорий" закрыло около 200 белорусских школ, возникших до того, как польская администрация была установлена в Белоруссии. Затем, после присоединения к Польской республике т. н. „Средней Литвы", и на этой территории администрацией были закрыты 101 школа. Репрессии в этой области этим не ограничиваются. Закрыты два учительских семинария в Барунах и Свислочи, новые семинарии для подготовки учителей не открываются, а 240 учителей-белоруссов отправлены на польские учительские курсы в Краков, с тем,

чтобы по окончании курсов их отправить в т. н. Восточную Галицию, как проводников полонизации среди украинского населения. Этого мало! Сотни учителей-белоруссов, отказавшихся покинуть родину, были лишены места, а в качестве их заместителей явились учителя-поляки, по преимуществу из Малой Польши (Западной Галиции), не только не знающие ни местных условий, ни местного языка, но и менее квалифицированные, чем удаленные из школ белоруссы.

Полтора года спустя украинские, белорусские и коммунистические депутаты сейма во внесенной интерпелляции по поводу возмутительного отношения к школьному делу в Западной Украине констатируют:

„Школьное дело в Белоруссии, благодаря полонизаторской и противоконституционный политике школьных и административных властей, находится в еще более тяжелом положении и не только не получает должной поддержки со стороны государства, но наталкивается на каждом шагу на препятствия. Белорусское население, в значительной своей части воздерживающееся от посылки детей в польские школы, увеличивает число безграмотных и стоит перед угрозой морального и умственного одичания".

Год спустя, в июне 1924 г., депутаты сейма констатируют, что ходатайства об открытии белорусских школ отклоняются, и на родителей, отказывающихся посылать детей в польскую школу, налагаются непосильные для крестьян штрафы.

Вносимые делегатами интерпелляции не действуют. В ноябре того же года вновь вносится интерпелляция с жалобой на то, что в целом ряде местностей, населенных белоруссами, власти отказывают в открытии белорусских школ, и присылаемые в Белоруссию учителя-поляки так расправляются с учениками и ученицами, что избитые ими питомцы польской школы по целым неделям отлеживаются после побоев.

Не считаясь с ростом национальной сознательности белорусского населения, правительство Польши усиливало все больше и больше свою полонизаторскую

политику, обрушиваясь жесточайшими репрессиями на малейшее сопротивление, на самый скромный протест. В ноябре 1924 г. был конфискован номер белорусского органа „Крыница“, в котором было сказано: „Польское правительство хочет держать белоруссов во мраке. Но мы должны бороться с мраком. Не дают нам правительственной школы—будем основывать частные белорусские школы; если и это не удастся, будем учить по-белорусски своих детей дома, будем читать свои газеты, свои книжки, и наступит время, когда и мы завоюем для себя лучший и более светлый день“.

Но чем настойчивее действовало или—вернее—пыталось действовать белорусское население, добиваясь своих прав, тем развязнее действовали польские власти. Вот характерный образчик.

В дер. Лядинки, Слонимского уезда, в 1923 году была открыта польская школа, в которой была учительницей Мария Белоусова. В половине учебного года эта учительница, как белорусска, была уволена, и на ее место инспектором был назначен учителем этой школы некто Биля из Галиции. А так как этот Биля бил детей и враждебно относился к мирному населению, то школа вскоре опустела, и жители дер. Лядинки на сходе вынесли „приговор“, подписанный 65 домохозяевами, об открытии в их деревне белорусской школы и о назначении прежней наставницы школы Белоусовой учительницей в ней. Этот приговор был переслан школьному инспектору, но последний не удостоил просителей ответом. Тогда эти домохозяева, желая, с одной стороны, учить своих детей на народном языке, а с другой—учитывая то, что Биля бьет детей, решили с весны открыть частную белорусскую школу и содержать ее на свой счет. Приглашенная Белоусова начала заниматься с 45—50 детьми. В польской школе в это время оставалось всего 4 детей. Увидев это, школьные и волостные власти прибегли к репрессиям и наложили на родителей учившихся в белорусской школе детей денежный штраф, якобы за нарушение закона об обязательном всеобщем обучении. Ввиду того, что это было явной

неправдой, крестьяне отказались платить этот штраф, и тогда была произведена реквизиция живого и мертвого инвентаря на покрыте наложенного штрафа.

В Пинском уезде инспектор убеждает белоруссов, что они вовсе не белоруссы, а полещуки, а поэтому белорусская школа им не нужна, и преподавание будет производиться на польском языке; когда же эти доводы не действуют на крестьян, на смену инспектору появляются полицейские и арестовывают и отправляют целый ряд крестьян в тюрьму.

Подобных примеров можно-бы привести сотни, причем—что весьма характерно—эта система насильственной полонизации не изменяется от того, кто стоит во главе польского правительства: национал-демократ генерал Сикорский, кулацкий батька Витос или бывший „социалист" Пилсудский. В этом отношении все партии друг друга стоят, все направляют все свои ухищрения в одну сторону—насильственно превратить белоруссов в поляков. Все, что может этому воспрепятствовать—устраняется самым развязным образом.

Польша за 9 лет своего существования сделалась самой клерикальной страной в Европе. Но даже этот клерикализм не останавливает правителей Польши от борьбы с религией населения, когда религия мешает им проводить полностью полонизацию края. Православные церкви закрываются, священники высылаются за пределы края, по отношению же к епископам принимаются специальные меры. Вот характерные образчики этих мер.

На квартиру литовского и виленского архиепископа Элеутерия в Вильно явились присланные из Варшавы чиновники и полицейские и об'явили ему, что он немедленно должен отправиться вместе с ними, фактически под их караулом, в Варшаву для принятия участия в заседании, посвященном церковным делам. Торжественные обещания архиепископа явиться самому в Варшаву на заседание, лишь бы его избавили от поездки под караулом, не привели ни к чему. Явившийся на квартиру староста (исправник) под-

твердил требование приехавших полицейских, и архиепископ вынужден был подчиниться. Его увезли в специальном вагоне, и уже в Варшаве, не выпуская из вагона, ему об'явили, что, согласно постановления православного варшавского митрополита Юрия и синода, он должен быть заточен в одном из римско-католических монастырей в окрестностях Кракова. Это и было выполнено, несмотря на протесты населения и самого архиепископа.

Это не единственный случай. Такая же участь постигла пинского и новогрудского епископа Пантелеймона, с той лишь разницей, что его заключили не в католический, а в православный монастырь, так же как гродневского епископа Владимира. Бяльский же епископ Сергий был просто выслан за границу.

До каких пределов доходит эта систематическая борьба с целью превратить белоруссов в поляков, а православных в католиков, свидетельствует факт имевший место в Новом Дворе, Сокальского уезда.

В церковь во время службы явился полицейский, разогнал молившихся и наложил на церковь печать. А затем, для того, чтобы население не могло исхлопотать вновь ее открытия, церковь была разрушена.

Само собой разумеется, что во всех этих репрессиях преследовалась вполне определенная цель: не борьба с православной церковью, которая, когда это нужно польским властям, даже протежируется, а борьба за искоренение всего того, что отличает белорусса от поляка. Лучшим доказательством этого является событие, имевшее место в Свенцянском уезде.

Там белоруссы— католики, но они настаивали на том, чтобы проповедь в костеле произносилась на белорусском языке. Это не отвечало политике правительства, и для того, чтобы убедить белоруссов отказаться от этого „преступного“ требования, на место была отправлена специальная комиссия, составленная из ксендзов-поляков, которая предложила требующим проповеди на белорусском языке собраться на кладбище, требующим же проповеди на польском языке—

в другом месте. В результате этого — на кладбище собралось несколько тысяч крестьян, а в другом месте горсть чиновников, колонистов, шпионов и шляхтичей-дворян. Попытка запугать крестьян не привела к цели, и тогда на кладбище явилась вооруженная полиция, выкатила пулемет и готовилась „к усмирению непокорных белоруссов“. Это подействовало. Крестьяне разбежались

Этот факт в высшей степени характерен. Дело не в религии, дело в знаменитом Бисмарковском „Ausrotten“, в искоренении, применявшемся в оное время Бисмарком по отношению к полякам, а ныне применяемом польскими властями по отношению к белоруссам. Национальное самосознание польские последователи Бисмарка пытаются подавить штыком. И это происходит в тот момент, когда в Восточной Белоруссии, под управлением Советов, белорусская культура цветет полным цветом. Это сознается и населением Западной Белоруссии.

„В Восточной Белоруссии,—подчеркивала „Селянская Правда“ в конфискованной польскими властями статье „Национальный революционизм“,—движение возрождения вылилось в форму создания собственной государственной организации и широкой культурно-национальной творческой работы. И эта революционная сила нашего национального движения, сломившая цепи чужого господства, после того как были удовлетворены социальные требования народа (земля!), превратилась в силу не разрушительную, а созидательную, творящую культурные ценности. Самым характерным в этом отношении является создание в Минске—теперешней столице Восточной Белоруссии—Белорусской Академии Наук“.

Сопоставление того, что творится в Западной Украине, с культурным расцветом в Восточной само по себе является одним из моментов, парализующих усилия польских панов, направленные на подавление белорусской культуры.

Мы в первую очередь остановились на этом вопросе, так как попытки со стороны польских господствующих классов насильственно ассимилировать белорусское население вызваны желанием подчинить это население польским ксендзам, польскому учительству и польским панам и общими усилиями, при поддержке польской полиции, ссылками на бога и на преимущества польской культуры, держать это население в повиновении и удерживать от социальной борьбы.

В Западной Белоруссии социальная борьба совпадает с национальной. Прав „Курьер Польский", говоря, что „национальный вопрос на окраинах совпадает с аграрным".

Западная Белоруссия, как и все польские окраины, отличается тем, что четверть всей пахотной земли находится в руках горсточки помещиков, а все остальное население страдает от малоземелья. Вот цифры:

Воеводства	Крупная собственность				Из этого числа хозяйств свыше 1000 *га* *)			
	Число хозяйств	% всех хозяйств	Пах. земля в тысяч. *га*	% всей земли	Число хозяйств	% всех хозяйств	Пах. земля в тыс. *га*	% всей земли
Виленское . .	666	0,9	139,0	22,7	49	0,1	49,6	3,1
Новогрудское.	898	0,7	218,7	24,3	81	0,1	65,7	7,3
Полесское . .	696	0,5	344,9	29,0	171	0,1	240,3	20,2
Итого все три воеводства .	2260	0,7	702,6	25,1	301	0,1	139,6	10,2

Другими словами, 2260 хозяйств, свыше 10 *га*, составляют всего 0,7% всех хозяйств, а в их владении находится более четверти всей земли. Мало того, во

*) Гектар.

владении 301 хозяйства, самых крупных, составляющих всего 0,1% всех хозяйств, находится 10,2% всей земли.

При этом мы не принимаем во внимание огромных лесных пространств, находящихся во владении крупных и средних помещиков.

Для уяснения себе полной картины земельных отношений в Западной Белоруссии мы приводим данные о мелкой земельной собственности:

Воеводства	Всего мелких хоз.		Менее 2 *га*		От 2 до 7 *га*		От 5 до 20 *га*		От 20 до 100 *га*	
	Всего	% всех	Всего	% всех	Всего	% всех	Всего	% всех	Всего	% всех
Виленское . .	79,8	99,1	9,9	12,3	25,7	31,9	38,8	48,2	5,4	6,7
Новогрудское .	132,2	99,3	17,5	13,2	51,1	38,4	58,6	44,0	4,9	3,7
Полесское . . .	141,3	99,5	20,4	14,4	47,3	33,3	66,1	46,5	7,5	5,3
Итого все три воеводства .	353,3	99,6	47,8	13,3	124,1	34,5	163,5	46,2	17,8	5,2

Эти цифры не нуждаются в комментариях. Если при этом принять во внимание, что З. Белоруссия была продолжительное время театром военных действий, что за время империалистической войны промышленность страны была чуть ли не до основания разрушена, что о восстановлении ее польское правительство не заботится и в восстановлении ее не заинтересовано, что З. Белоруссия рассматривается им только как колония, как внутренний рынок сбыта для польской промышленности, что забота о населении сказывается в том, что до сих пор местному населению отказывается в лесе для восстановления разрушенных

во время войны жилых и хозяйственных строений, то станет ясно отношение белорусского населения к польским оккупантам. А правительство реагирует на это отношение не только репрессиями, подчас даже кровавыми, о чем нам придется еще говорить, но и к о л о н и з а ц и е й.

„Заселение белорусско-украинских окраин колонистами,—пишет один из знатоков этого вопроса, т. В. Колесинский,—было начато польским правительством еще в 1920 г., когда эти земли были оккупированы польскими войсками".

„Вызвана была колонизация тем, что занятые земли не имели ничего общего с польской государственностью, с польской культурой и языком и целиком тяготели, как в национальном, так и в классовом отношении, к родственным советским республикам. Прослойка польского населения, состоявшая преимущественно из помещиков, шляхты и интеллигенции, была весьма тонкой, огромное же большинство населения состояло и состоит из белоруссов и украинцев, с большой примесью евреев. Подавляющая масса населения оккупированной территории, угнетаемая и эксплоатируемая раньше царским чиновником (которым нередко был поляк) и польским помещиком, была заинтересована в радикальной, революционной перестройке социальных отношений, а потому горячо сочувствовала русской революции и так же горячо ненавидела польских панов и польское буржуазное государство. Словом, Польша столкнулась в покоренных землях с глубокой классовой и национальной враждой местного населения, которая быстро возрастала под влиянием кровавого террора оккупантов.

Польское правительство, во главе которого и тогда стоял Пилсудский, прекрасно понимало, что при таком положении вещей его господство в Западной Белоруссии и Украине будет покоиться на глиняных ногах, если не будет решительным образом усилен надежный польский элемент. Поэтому польская буржуазия стала на путь насильственной и жестокой колонизации от-

торгнутых от советских республик земель, превзойдя на этом кровавом пути своих прежних учителей: Германию — Бисмарка и Россию — Муравьева-Вешателя. В системе колонизации одно из главнейших (если не главное) мест занимает насаждение „осадников“.

Что такое польский „осадник“? Это военный колонист, поселяемый правительством на восточных окраинах, наделяемый там бесплатно землей, получающий необходимые средства на организацию на ней хозяйства и обязанный быть опорой польской власти. „Осадники“ вербуются среди офицеров и солдат запаса, из которых отбирается для этого наиболее заслуженный и политически надежный элемент; в огромном большинстве „осадники“ составляются из бывших добровольцев и отличившихся солдат и офицеров. „Осадники“ получают лучшие участки земли, размером от 20 до 25 гектаров, и соответствующую поддержку для организации крепкого индивидуального хозяйства кулацкого типа. Как мы увидим из дальнейшего изложения, „осадники“ представляют собой по своим задачам род скрытой пограничной стражн, с одной стороны, и военно-политическую опору власти среди враждебного населения покоренных земель—с другой. Поэтому польские „осадники“ несколько напоминают собой военных поселенцев старой России, которая заселяла их на завоеванных окраинах юга и востока и из которых образовались впоследствии казачества.

В земельный фонд для наделения военных поселенцев польское правительство предназначило, во-первых, конфискованные земли бывших царских чиновников и часть бывших казенных владений, во-вторых—часть отчужденных для раздела, согласно закону об аграрной реформе, помещичьих земель. Чтобы приблизительно представить, сколько земли идет на эту цель, достаточно указать, что к 1 января 1923 года в распоряжение государственной власти поступило одних только конфискованных и доставшихся от царского правительства 3.226 тысяч гектаров

земли только в трех воеводствах—Новогрудском, Полесском и Волынском.

В настоящее время количество расселенных в приграничной с нами полосе „осадников" не поддается точному учету, так как польская статистика не дает новых данных по этому вопросу. Последние разработанные данные, которыми мы располагаем, относятся лишь к январю 1923 года. Эти данные мы производим в следующих таблицах:

1. Количество „осадников" по воеводствам на 1 января 1923 года

Воеводство	Количество полученных наделов	Из них: Оборудовали хозяйство	Из них: Не устроились
Белостокское	703	575	128
Виленское	961	502	459
Новогрудское	2.043	1.391	652
Полесское	1.477	991	486
Волынское	3.548	3.104	444
Всего	8.732	6.563	2.169

Из этой таблицы видно, что общее количество „осадников", получивших наделы к началу 1923 года, достигало почти 9 тысяч, при чем более $^4/_5$ этого количества поселено в Новогрудском, Полесском и Волынском воеводствах.

Несколько более полное представление о широте развертываемой военной колонизации дает следующая таблица о количестве и составе всех желавших получить земельные наделы „осадников".

2. Количество поданных и рассмотренных прошений о наделении землей в восточных воеводствах на 1 января 1923 г.

Прошения	Подано прошений			Прочие	Признано подлежащими удовлетворению					Отказано	Осталось для рассмотрения
	Всего	Инвалиды и отличившиеся	Добровольцы		Всего	Инвалиды и отличившиеся	Добровольцы	Прочие	Платные		
Офицеров	17.731	6.016	10.442	1.273	4.859	1.807	2.623	26	403	136	12.736
Солдат	81.782	16.686	46.745	18.351	17.644	3.630	9.488	729	3.797	1.144	62.994
Всего	99.513	22.702	57.187	19.824	22.503	5.437	12.111	755	4.200	1.280	75.730

Из вышеприведенной таблицы видно, что почти 100 тысяч человек добивалось получения наделов на восточных окраинах в 1923 г. Из этого количества к этому же сроку были признаны подлежащими удовлетворению прошения $22\,^1/_2$ тысяч человек, из коих, как это показывает таблица первая, было наделено землей около 9 тысяч человек. Весьма интересен состав „осадников“. Как видно из второй таблицы, 20—25 процентов всех подлежащих наделению землей состоит из офицеров. Наибольший процент среди офицеров и солдат занимают добровольцы (около 60 проц.), т.-е. самый надежный в политическом отношении элемент. 20 проц. общего количества составляют „платные“, т.-е. те, которые получают землю за известную плату; эта категория, разумеется, тоже относится к числу наиболее устойчивых и преданных правительству элементов. Если судить по ничтожному количеству получивших отказ (для офицеров менее $^1/_{10}$, для рядовых более $^1/_5$ общего числа), то надо сделать вывод, что польская буржуазия рассчитывает большую часть подавших заявления удовлетворить землей и перевести их в число „осадников“.

Наиболее близкую к действительности цифру „осадников“ восточных окраин в данное время дает отчет центрального комитета „союза осадников“ на его недавнем с'езде. Из весьма кратких сведений печати об этом отчете следует, что союз насчитывает 13.000 членов, сгруппированных в 1.500 пунктах. Надо полагать поэтому, что в настоящее время поселено и ведет хозяйство приблизительно такое же количество „осадников“.

Неважно в данном случае, достигает ли цели эта колонизационная политика польских панов, и каковы бы ни были ее результаты—несомненно одно, что страдающее от крайнего малоземелья население Западной Белоруссии не может не сделать определенного вывода о том, что у польских властей удовлетворение его земельных потребностей стоит на последнем плане или вообще не включено в какой бы то ни было план, и

что, следовательно, от польских панов оно земли не „получит", а может добиться земли только если ее само возьмет.

Было время, когда и белорусское крестьянство обольщалось надеждой на постановленную сеймом аграрную реформу, но эти надежды весьма скоро рассеялись, и тогда—и это в высшей степени характерно—под давлением белорусских масс в сеймовом белорусском клубе произошел раскол.

„Формальным моментом для раскола, – пишет автор предисловия к сборнику интерпелляций белорусских депутатов в польском сейме,—был вопрос, как отнестись к проекту аграрного закона, внесенного в сейм коммунистической фракцией. Этот пункт устанавливал максимум земельного участка в 30 гектаров, при чем предлагал возложить раздел земли на сельские комитеты. Само собой разумеется, что входившие в состав белорусского сеймового клуба кулацкие элементы на такую постановку вопроса согласиться не пожелали, отошли вправо, пошли на примирение с польскими панами, а те члены клуба, которые отстаивали интересы крестьянской бедноты, сделав первый шаг, должны были итти и дальше. Эти последние и организовали Рабоче-крестьянскую Громаду".

Политическую платформу „Громады", полностью определяющую ее классовый облик, мы приводим в переводе:

«I. Самоопределение народов и международная солидарность трудящихся

1. Все существующие отношения между державами и народами должны быть переустроены на основе полного самоопределения народов.

2. Стоя на почве самоопределения народов, «Громада» считает, что все белорусские земли должны быть об'единены в независимую республику под властью рабочих и крестьян.

3. Вместе с тем «Громада» всемерно поддерживает существующее стремление трудящихся масс создать сплоченный социалистический союз европейских народов.

4. Согласно этому, «Громада» проводит свою деятельность в духе международной солидарности трудящихся.

II. Союз крестьян и рабочих

5. Освобождение всего трудящегося народа из-под ига капитала и национального гнета — является общей целью и общим делом крестьян и рабочих.

6. Трудовая интеллигенция в лучшей и самой здоровой своей части должна присоединиться к такому союзу крестьян и рабочих, находя в нем широкую почву для применения своих творческих сил.

III. Крестьянско-рабочее правительство

7. Только тесный союз крестьян и рабочих может установить крестьянско-рабочее правительство.

Только рабоче-крестьянское правительство может дать угнетенным народам волю, крестьянам — землю, рабочим — работу, и только оно сможет перестроить народное хозяйство и весь государственный и общественный порядок на более разумных и справедливых основаниях и повести народ к лучшему будущему.

Ведя борьбу за самоопределение народов и за крестьянско-рабочее правительство, «Громада» вместе с тем ведет непрерывную борьбу за самые животрепещущие и ежедневные потребности крестьян и рабочих: за землю без выкупа, против чрезмерных налогов, за отстаивание рабочего законодательства, за отечественную школу, за политические свободы и т. п.

IV. Земля крестьянам без выкупа

8. Все земли, принадлежащие помещикам и духовенству, должны быть без выкупа отняты у господ помещиков и духовенства и вместе с казенными землями через крестьянские комитеты разделены между местными крестьянами и батраками.

V. Отмена колонизации («осадничества»)

9. «Громада» добивается отмены как военной, так и гражданской колонизации.

Весь земельный запас Западной Белоруссии должен быть распределен между местными крестьянами и батраками.

VI. Упорядочение землевладения

10. «Громада» поддерживает переселение крестьян из деревень на хутора или в поселки, но только при том условии, что малоземельным будет сделана прирезка земли, чтобы они действительно могли вести самостоятельное хозяйство.

11. Одновременно с этим «Громада» добивается широкой мелиорации (и прежде всего осушения болот и лугов) на счет казны, по широкому государственному плану.

12. При переходе на хутора и при парцелляции должна быть оказана данному хозяйству необходимая помощь деньгами, инвентарем и строительным материалом.

13. «Громада» добивается широкой агрономической помощи и дешевого кредита для крестьянства.

14. Все работы по землеустройству должны быть отнесены на счет казны.

VII. Леса и воды

15. Наравне с землей все леса, принадлежащие помещикам и духовенству, а также и воды, должны стать собственностью государства.

16. «Громада» добивается того, чтобы крестьяне были обеспечены лесом на постройку и отопление и выгоном для скота.

17. «Громада» ведет борьбу против такой отмены сервитутов, при которой крестьяне обижаются в пользу господ помещиков.

VIII. Подати

18. Подати ложатся на трудящийся народ невыносимым бременем. Они распределены несправедливо и собираются способом, невыносимо тяжким для крестьянства и разоряющим его.

«Громада» добивается, чтобы подати были переложены на господствующие зажиточные классы и совсем сняты с безземельных, малоземельных и середняков.

Мерилом для обложения налогами должен быть доход.

19. «Громада» требует отмены всех косвенных налогов, в особенности же отмены налогов на предметы первой необходимости.

20. Независимо от этого, «Громада» требует незамедлительного введения единого налога; другими словами— чтобы подати устанавливались один раз в год, по одному платежному наказу, и с разложением на определенные доли, с точным обозначением сроков.

IX. Рабочее законодательство

21. «Громада» защищает все социальные завоевания рабочих. Между прочим, она ведет борьбу за: а) 8-часовой рабочий день, воскресный отдых и за оплачиваемые отпуска, б) воспрещение детского труда и улучшение санитарных условий работы на фабриках, в) минимум заработной платы, г) государственное страхование рабочих города и деревни от болезни, увечья, безработицы и от старости, д) свободу стачек и полную свободу профессиональных союзов, е) за признание в законодательном порядке рабочих комитетов и их права на участие в контроле над производством.

22. Считая, что государство обязано обеспечить каждому работнику деревни и города работу и заработок, «Громада» при наличии в настоящее время тяжелой безработицы в городе и в деревне требует:

а) выплаты безработным города и деревни пособия в размере прожиточного минимума;

б) немедленной организации широких общественных работ;

в) организации комитетов безработных.

X. Кооперация

23. «Громада» обращает большое внимание на расширение потребительской, производительной и кредитной кооперации среди крестьян и рабочих, считая, что кооперация дает возможность трудящемуся народу защищаться от дороговизны и спекуляции и приучает его к организационной самодеятельности. Ведя борьбу против подчинения кооперации интересам помещиков и капиталистов, «Громада» требует для кооперации широкого государственного кредита.

XI. Самоуправление

24. Все волостные, уездные и воеводские (губернские) самоуправления должны избираться путем всеобщего голосования всего трудящегося народа, а не путем назначения администрацией (старостой, воеводой).

Самоуправления должны быть освобождены от зависимости от администрации, а круг их деятельности должен быть расширен.

25. Одной из важнейших функций самоуправления должно быть обеспечение за деревней медицинской помощи, обеспечение опеки над сиротами, беспризорными, калеками и стариками, а также обеспечение необходимым

материалом (при денежной поддержке казны) на восстановление всех разрушенных во время войны хозяйств.

26. «Громада» выступает против налагаемых самоуправлением или кем бы то ни было натуральных повинностей.

XII. Войско, полиция, администрация

27. «Громада» требует сокращения службы в армии и значительного уменьшения армии, полиции и администрации, дабы этим путем уменьшить налоговое обложение населения и увеличить расходы на культурные потребности.

28. «Громада» ведет борьбу с политикой империализма и стремится заменить постоянную армию народной милицией.

29. «Громада» добивается того, чтобы полиция и чиновники, не исключая министров, отвечали перед законом за служебные злоупотребления. Между прочим, «Громада» добивается отмены политической полиции и ведет борьбу с системой битья и провокации.

XIII. Политические свободы

30. «Громада» борется за полную свободу сходок, печати и слова, за свободу политических и экономических организаций для крестьян, рабочих и трудовой интеллигенции.

31. «Громада» ведет борьбу против всевозможных писанных и неписанных привилегий для господствующих классов — помещиков и буржуазии.

32. «Громада» борется с разными попытками ухудшить существующие законы (напр., избирательный закон).

33. «Громада» добивается полной свободы митингов и других собраний.

34. «Громада» добивается отмены исключительного положения и полевых судов, существующих в Западной Белоруссии.

35. «Громада» требует амнистии для всех политических.

36. «Громада» требует права свободной опеки над политическими заключенными.

37. «Громада» требует отмены смертной казни.

XIV. Суды

38. «Громада» отстаивает народный суд, который должен избираться самим народом из местных людей, а до

этого требует безотлагательного введения суда присяжных.

39. «Громада» ведет борьбу против системы тайных судов («при закрытых дверях») и защищает независимость судов от влияний политической полиции.

XV. Школа

40. «Громада» отстаивает введение единой трудовой школы с бесплатным обучением за счет казны для трудового элемента (крестьян, рабочих, трудовой интеллигенции).

41. «Громада» добивается расширения агрономического и вообще профессионально-технического образования.

42. Преподавание во всех государственных школах должно вестись на родном языке учеников.

43. «Громада» выступает против того, что школьное начальство требует от учителей полицейских свидетельств о благонадежности при поступлении их на службу. Это беззаконно — без суда ограничивает гражданское право учителей и ставит их в зависимость от произвола политической полиции.

XVI. Язык

44. Каждой национальности должна быть гарантирована широчайшая возможность пользоваться родным языком в государственной жизни.

45. «Громада» будет бороться за полную свободу расширения культурно-просветительной деятельности на родном языке: библиотек, читален, кружков изучения страны, театров и т. д.

XVII. Религия

46. Признавая полную свободу совести, «Громада» стоит на почве отделения церкви от государства и от политики.

47. «Громада» борется против использования веры — церкви или костела — для политических целей, напр., для поддержки господствующих классов или для полонизации или руссификации.

48. «Громада» будет также бороться с сеянием религиозной или расовой борьбы и ненависти.

XVIII. Против национального гнета и разорения страны

49. «Громада» требует подлинных равных прав в действительности, а не только на бумаге, для всех граждан, независимо от вероисповедания и национальности.

Между прочим, «Громада» требует:

а) безотлагательного признания прав гражданства за всеми жителями Западной Белоруссии;

б) инвалидной ренты для всех военных инвалидов, их вдов и сирот;

в) свободного доступа на правительственную службу для мирных людей, независимо от вероисповедания, национальности и политических взглядов.

50. Ведя борьбу против чрезвычайной эксплоатации нашего края как польскими, так и иностранными капиталистами, в особенности-же против хищнического вырубания и распродажи нашего природного богатства — леса, против продажи за границу фабрик и оборудования, ведя борьбу со всеми видами колонизации Западной Белоруссии, «Громада» требует полного развития всех хозяйственных сил и возможностей страны.

* * *

Стремясь к своей цели, «Громада» пользуется путями легальной, законной борьбы на основе конституции и права».

Такова программа „Громады", между прочим—утвержденная польским правительством. Но, хотя „Громада" во всей своей деятельности и не сходила с законного пути, господствующие классы и представляющее их классовые интересы правительство обрушивались на „Громаду" с первых же моментов ее существования всеми находящимися в их распоряжении средствами, не останавливаясь даже перед такими, как пытка. В деятельности „Громады" и помещики и капиталисты усмотрели громадную опасность для себя, как класса, а в таких случаях для буржуазии все средства хороши.

О приемах полонизации мы уже говорили выше. Перейдем к описанию того, что делало польское правительство в других областях. Начнем с прессы. В интерпелляции, внесенной в сейм депутатами, принадлежащими к „Громаде", в январе 1925 года, приведена следующая таблица мартирологии белорусской прессы.

№№ п/п.	Название газеты	Когда начала издаваться	Какие номера были конфискованы	После какого номера закрыта
1	Наша Будучина .	8/XII-22 года	2—1922 г.	—
	„ „	—	2 (5) и 6 (9)—23 г.	9
2	Новае Жицьце .	3/XII-1923 г.	4, 8, 10, 13.	13
3	Нашае Жицьце .	Май-1923 г.	1.	6
4	Наш Шлях . . .	5/VI-1923 г.	1, 2, 7, 17.	25
5	Вольны Сцяг . .	26/VIII-1923 г.	1, 5, 16, 17.	21
6	Воля Народу . .	21/X-1923 г.	—	2
7	Змаганьне . . .	28/X-1923 г.	15—1923 г.	31
	„ . . .	—	1 (23)—1924 г.	—
8	Голос Беларуса .	14/II-1924 г.	14, 15, 19, 21.	21
9	Сын Беларуса .	18/V-1924 г.	15, 17, 23, 28, 40.	42
10	Селянская Праўда	28/IX-1924 г.	13, 17, 21, 34.	34
11	Беларусская Доля	2/I-1925 г.	9, 27, 35.	35
12	Іскра	10/XI-1925 г.	2, 3.	7
13	Жицьце Беларуса	19/VIII-1925 г.	2, 7, 14, 15, 19.	20
14	Саха	Май-1923 г.	1.	1
15	Крыніца	—	5—1923 г.	—
	„	—	9, 14, 28, 33—1924 г.	—
	„	—	20, 22, 23—1925 г.	33

В течение 1923 и 1924 гг., до половины августа 1925 года, было издано в Вильно 24 однодневных газеты, из которых 5 было конфисковано. „Нужно подчеркнуть, — говорит интерпелляция, — характерный факт, что однодневка „Каляда“, конфискации которой суд не утвердил (что являлось исключением), была возвращена редактору только по истечении двух месяцев“.

Одним из средств, проводимых с целью убить — другое выражение здесь не подходит — белорусское печатное слово, является следующее.

По закону первые напечатанные 10 экземпляров периодического издания должны отправляться редакцией в отдел прессы, который обязан в течение одного часа решить, подлежит ли номер конфискации или нет, а если в течение указанного времени не последовало извещения о конфискации—номер может быть выпущен в свет. Отдел прессы этой своей обязанности не выполняет и извещения о конфискации не посылает ни редакции, ни типографии, а когда номер уже отпечатан, а часто даже тогда, когда на номерах уже наклеены почтовые марки для отправки газеты подписчикам, в редакцию и в экспедиционный отдел вторгается полиция, производится обыск, и весь тираж конфискуется. Цель этого ясна. Правительство стремится разорить издательство с тем, чтобы оно умерло „естественной смертью“. Если мы прибавим к этому, что редактора арестуются, что были случаи, когда они подвергались жесточайшим избиениям в полиции, то станет ясным, какое мужество, какая преданность делу нужны для того, чтобы в „демократической Польше“, которая сама в оное время немало страдала от такой же системы репрессий, издавать белорусский орган.

Согласно § 105 конституции, в Польше прессе гарантируется свобода, не может быть введена по отношению к ней ни цензура, ни концессионная система на издания... Но по отношению к рабочей и крестьянской прессе, а равно и по отношению к прессе так

называемых национальных меньшинств, эта статья не только игнорируется, но, наоборот, все, что воспрещено этой статьей, жестко применяется к ней, а так как и это не помогает, то у польских наследников Муравьевых-Вешателей имеются в запасе другие средства — терроризирование подписчиков: за ними устанавливается слежка, у них производятся обыски под предлогом поисков нелегальщины.

Свирепые репрессии по отношению к прессе, превосходящие даже все то, что происходило во времена Романовых, — тогда редакторы не подвергались избиениям,—об'ясняются тем, что белорусская пресса обнажает перед всем миром то, что „страж культурного Запада", как называют себя польские правители, творит в завоеванной им З. Белоруссии. „Крыница", например, была конфискована за следующую корреспонденцию из Свири, Свенцянского уезда.

„— Слава вам, господа магнаты, за нашу недолю, за наши кандалы.

Это поет по-польски наша молодежь. И впрямь, заковали в такие кандалы, загнали в такую неволю, что и дышать трудно. Придумали столько разных податей, столько разной беды, что хоть отрекайся от земли, от избы, от семьи и беги в чистое поле или в лес. Дело дошло до того, что люди уже говорят, что во времена крепостного права было лучше. Тогда, говорят, хотя паны и издевались над народом, хотя в пьяном виде и гнали нашего мужика на дерево и приказывали ему куковать или каркать, как ворона, а затем стреляли в него, как в птицу, но после все же награждали семью убитого или, „по своей панской доброте", оказывали поддержку в несчастьи, а теперь— погибель. Паны совсем придушили, народ стонет хуже, чем во времена крепостничества, никто не сжалится над ним.

От всяких бед гибнет масса народу, а помощи нет ниоткуда. Читая газету, я вижу, какая по временам делается обида народу, и спрашиваю: Зачем народ так обижать? За что? Что он вам сделал худого? Может

быть, то, что он отбывал для вас барщину и теперь еще отбывает ее? Разве же это не барщина, если паны берут по 635 миллионов марок (корреспонденция напечатана до финансовой реформы) за участие в одном заседании „Общества взаимного страхования", а с нас за „пожарные" (страхование от пожаров) сдирают шкуру... Правду писал сказавший, что в этом „обществе" паны себя страхуют.

И впрямь страхуют, иначе не брали бы по 635 миллионов за одно заседание. А в одном только „Контрольном совете" этого общества числится 39 человек, а что говорить уж о всевозможных учреждениях этого общества!..

Не сосчитать всех этих больших и малых чиновников, всех писарей, счетоводов, агентов, машинисток. Их больше, чем волос на голове. А ты, бедный человек, плати им всем своими „пожарными" налогами, застраховывай панов... Доколе же?.."

Но особой яростью обуреваются паны, когда пресса сопоставляет положение в З. Белоруссии с тем, что происходит в Восточной, входящей в состав СССР. Одним из образчиков расправы с белорусской прессой по этому поводу является конфискация статьи, напечатанной в „Селянской Правде", отрывок из которой мы привели выше.

Пресса, понятно, дает лишь отражение того, что творится в Западной Белоруссии. Репрессиями по отношению к прессе вопрос о положении населения не может быть решен, и поэтому польские паны пытаются решить вопрос по отношению к населению экономическим гнетом, административным произволом, тюрьмой, издевательством, террором, провокацией, пытками, штыками.

Мы выше уже приводили данные о землевладении. Вопрос о получении земли, хотя бы в аренду, является для белорусского крестьянства вопросом жизни. Официально извещенные о том, что в Лунинце будет сдаваться в аренду земля поместья „Лахва", крестьяне д. Любенской, насчитывающей 800 человек, имеющей

всего около 400 десятин пахотной земли, продали кто что имел: лошадей, коров и т. д., и, собрав 3 миллиона марок, отправились в Лунинец. Но представителей Земельной комиссий в Лунинце не оказалось, и земля уже была сдана в аренду некиим Левандовскому и Ленкевичу, которые от себя предлагали сдать ее в аренду крестьянам. В результате крестьяне разорились. Это хотя и характерный, но все же не единичный случай. Но есть явления, возводимые в систему. При выделении земли колонистам, „осадникам“, выгоны местных крестьян передаются переселенцам, а местное население, лишенное выгона и леса, который, к слову сказать, вырубается колонистами, поставлено прямо в безвыходное положение. Таких случаев много. Но есть и почище. Помещик продает крестьянам землю, но впоследствии находит другого, более выгодного покупателя и запродает ее вторично. В ответ на протесты, по требованию помещика, являются, как это было в д. Липки, Несвижского уезда, уланы, во главе с офицером, и протестанты избиваются и арестовываются. Уже эти факты свидетельствуют о том, что польское правительство относится к З. Белоруссии, как к завоеванной стране. Но есть и прямые указания на такое отношение. Во время войны, в 1915 г., германские оккупанты экспроприировали в Гродненском уезде у крестьян 54 десятины земли под лесопильный завод. С переходом З. Белоруссии под власть Польши этот завод перешел во владение государства. Просьбы крестьян о возвращении им этой земли или о возмещении другой не уважены, но подати и налоги за эти 54 десятины с них взыскиваются.

Когда дело касается белорусских крестьян, изобретательность польского чиновничества неисчерпаема. В д. Кушчицы, Несвижского уезда, случился пожар. Польский чиновник предложил погорельцам переселиться на хутора, обещая добавочную нарезку земли безземельным и малоземельным. С этого времени прошел год. Видя, что ничего не выходит из обещаний чиновника, крестьяне отстроили в деревне жилье,

пострадавшее от пожара, и после того как это было сделано с ущербом для хозяйства, так как погорельцам пришлось продавать даже инвентарь, лишь бы соорудить крышу над головой для себя и семьи, им было об'явлено, что они должны выселиться на хутора, но без добавочной прирезки земли.

В Диминском уезде пограничная стража, никого не спрашивая и ни с кем не согласуя вопроса, захватила 3 десятины земли у крестьян д. Трояки для постройки на этом участке караульного дома. Безземелье в этой деревне доходит до того, что на душу приходится менее одной десятины. Между тем, на расстоянии четверти версты от захваченного участка находится церковная земля—40 десятин, а за версту—земля, принадлежащая государству.

Мы привели только единичные, более характерные факты, но вся политика польского правительства к белорусскому населению, как в этом вопросе, так и во всех других областях – это политика не законного правительства, пекущегося о нуждах населения, а политика оккупантов, разоряющих страну, разоряющих население; политика тех, кто в глубине души сознает, что его власть над порабощенным населением—временная, и поэтому не заботящихся ни о благополучии, ни о благосостоянии этого населения.

Этим и только этим об'ясняется колониальная политика, в сущности не имеющая никакого будущего и рассчитанная лишь на то, чтобы в настоящее время иметь организованную силу против „внутреннего врага", каковым польское правительство считает порабощенное население, а в будущем, в случае конфликта, иметь на месте хоть кое-какую вооруженную силу. Этим об'ясняются превосходящие все до сих пор известные в истории произвол и беззакония администрации, массовые аресты, пытки, издевательства. Этим об'ясняется то глумление, которое возведено в З. Белоруссии польскими властями в систему.

При таком отношении к З. Белоруссии господствующих классов Польши население, являющееся

об‘ектом всех этих издевательств, убедившись в том, что ему приходится рассчитывать только на себя, в первое время реагировало стихийными восстаниями.

Автор предисловия к „Интерпелляциям белорусских депутатов в польском сейме“ пишет по этому поводу:

„К сожалению, покуда еще не сделан подсчет всем актам стихийной народной мести, какие вспыхнули на всем протяжении Гродненской и Виленской губерний после прихода туда „культурной“ польской власти. Однако, можно с уверенностью сказать, что за период с 1921 по 1925 год их было несколько тысяч. Согласно авторитетному заявлению, сделанному в варшавском сейме председателем кабинета министров Вл. Грабским, в З. Белоруссии и в З. Украине было восстаний, нападений, террористических актов и т. д. в 1922 г. — 878, а в 1923 г. — 503. В этом отношении другие годы не уступали этим годам. В 1921 г., когда польская власть в З. Белоруссии начала только укрепляться, эти восстания носили характер случайный и неорганизованный. Однако, уже в 1922 г., а в особенности в 1923 г., эти выступления приняли организованный характер. В эти годы борьба населения с насильническим режимом часто принимала вид подлинной гражданской войны, в которой с обеих сторон принимали участие значительные военные формации.

В это время перед польскими господствующими классами ребром стал вопрос, как быть дальше: считаться с требованиями белоруссов и хоть отчасти удовлетворить их или залить кровью З. Белоруссию и принудить население к рабскому повиновению. Во многих буржуазных газетах появились статьи с требованием решительных мер. „Если мы не утопим восстания в крови, оно оторвет от нас несколько провинций“, — взывала к правительству „Речь Посполита“. — Теперь нужно выловить все банды, нужно проследить, где им помогает мирное население, и со всеми этими разбойниками расправиться коротко и без пардона.

Ответом на восстание является виселица — и больше ничего".

Вооруженные до зубов паны знали, что безоружному, а в лучшем случае плохо вооруженному, населению, не спаянному организационно, не справиться с ними, и рады были ускорить момент кровавой развязки. Установились такие порядки, что трудящиеся массы в Польше уже заняли такую позицию по отношению к этому режиму, что даже соглашатели пепеэсовцы вынуждены были хоть кое-как реагировать хотя бы только на словах. „О, московские пристава и полицмейстеры, — писал Центральный орган П. П. С. „Роботник", — вам даже не снилось, что так сильно и красиво будут культивироваться в Польше ваши традиции. Население, преследуемое и угнетаемое таким бессмысленным способом преступно-глухой и шовинистической администрацией, воспитывается в духе ненависти к польскому народу и государству".

Иначе реагировала на это компартия Западной Белоруссии. „Нападения и восстания в Западной Белоруссии, — гласили воззвания этой партии, — не результат деятельности каких-нибудь преступников, но это результат политики гнета и эксплоатации, какую проводит буржуазное польское правительство. Партизанское движение является реакцией отчаявшегося крестьянства Западной Белоруссии на небывалые бесчинства и самоуправства оккупантов. На дикие насилия польского правительства крестьяне должны реагировать усилением революционной борьбы. Но эта борьба не должна вестись путем самовольных нападений. Для того, чтобы достичь цели, надо вести организованную и сознательную борьбу: не платить государственных налогов, бойкотировать колонистов, держать все крестьянство во всеоружии и, что самое главное, сохранить единство рабочих и крестьян всей Польши".

Все эти явления, еще продолжительное время существовавшие в угнетаемой польскими панами Западной Белоруссии, не могли не отразиться на деятельности белорусского клуба в польском сейме. Этот клуб, со-

стоящий из разношерстных по своему социальному составу элементов, под влиянием всех этих событий раскололся, и из него выделилась часть, осознавшая классовый характер происходящей борьбы. Тогда-то именно и образовалась „Белорусская Рабоче-Крестьянская Громада“, программу которой мы привели выше. Кроме того момента, о котором мы уже говорили выше — момента аграрного, поводом раскола был и национальный вопрос. Правая часть белорусского клуба признавала борьбу только в пределах легальности, стояла на почве польской государственности и выдвигала вопрос об автономии; „Громада“ же, как это видно из ее программы, мыслила политическое, национальное и экономическое освобождение трудящихся масс Западной Белоруссии только в связи с установлением в Польше рабоче-крестьянской власти.

Эти два вопроса—наделение землей без выкупа и рабоче-крестьянская власть во всей Польше, а следовательно, и борьба за осуществление этих лозунгов бок о бок и плечо к плечу с рабочими и крестьянами Польши—вызвали ярость в лагере господствующих классов. Паны поняли, что дело касается вопроса их существования. С этого момента рамки законности перестали существовать. В каждом действии „Громады“ властями усматривалось нарушение законности, несмотря на то, что устав „Громады“ был утвержден правительством. „Громада“ и в своих изданиях и в сеймовых выступлениях резко подчеркивала разницу между Западной и Восточной Белоруссией, выражала свои симпатии Советской Белоруссии, не скрывала, что то, что уже достигнуто Советской Белоруссией, является целью ее деятельности в той части Белоруссии, которая находится под игом польских панов, и это одно не могло не вызывать бешенства со стороны польских оккупантов.

Само собой разумеется, что прямо противоположное отношение к „Громаде“ проявляло население Западной Белоруссии.

В течение самого короткого времени „Громада“ превратилась в крупную массовую партию, в состав которой к концу 1926 года входило более 100.000 членов. Как классовая партия трудящихся, „Громада“ вела свою работу не только по углублению классового национального сознания, но и в области культуры: организовывала библиотеки, избы-читальни, школы и т. д. Радикально переменился и характер деятельности принадлежащих к „Громаде“ сеймовых депутатов. Сознавая, что за ними стоят массы, они перестали обращаться к правительству с указаниями на беззакония и с просьбами принять меры к их устранению и перешли от обороны к нападению. Они вносили протесты, клеймили на весь мир царящий в Западной Белоруссии произвол, через головы сейма обращались к массам. Выступления их в сейме были лишь одним из звеньев в общей цепи всей их деятельности вне сейма. На ряду с этим, как классовая партия, „Громада“, противопоставляя себя своим отечественным эксплоататорам и соглашателям, вела борьбу плечо к плечу с родственными по классу польскими и украинскими партиями, находя в них сочувственный отклик в своей борьбе. Неизгладимое впечатление оставило выступление депутата независимой крестьянской партии Беллина, бросившего на заседании сейма окровавленную рубашку убитого в Белоруссии крестьянина министру Бартелю.

Именно этот классовый характер „Громады“, развернувшей свою деятельность одновременно и параллельно с компартиями Польши, Западной Белоруссии и Западной Украины и с „Независимой крестьянской партией“, развернувшими к тому же времени широкую борьбу, вызвал тревогу в рядах польских помещиков и буржуазии.

Репрессии начались еще до майского переворота Пилсудского, но разгром „Громады“, как и разгром польской „Независимой крестьянской партии“, был произведен Пилсудским. „Все признают,—торжествовало помещичье-монархическое виленское „Слово“,—

что такую ликвидацию „Громады“ могло себе позволить только лишь правительство маршала Пилсудского — исключительно маршала Пилсудского. Всюду задумывались, что бы сделало в таком случае парламентское правительство с г. Владиславом Грабским, г. Витосом или даже Дмовским во главе. В ответ мы слышали, что такое правительство не могло бы пойти на ликвидацию в таком размахе, на арест депутатов, на одновременную акцию во всех воеводствах. Терроризируемые партией воеводы, министры, чиновники не пошли бы на это. Теперь сейм ограничился обыкновенным письмом маршала Ратая. При парламентском правительстве это бы выглядело иначе. Мы уже не говорим о том, что личность маршала Пилсудского защищает акцию ликвидации „Громады“ от вредоносности всей польской левицы“.

Преимущества правительственного авторитета выявляются во всей своей полноте. Даже „Роботник“ (центральный орган польских социал-изменников) не осмеливается выступать против ликвидации, хотя сомневается в коммунистическом характере „Громады“. „В настоящее время, когда акцию против „Громады“ прикрывает своим авторитетом маршал Пилсудский, нас такие „сомнения“ не беспокоят, но при парламентском правительстве перед маем из подобных „сомнений“ возникало парализование правильных мероприятий власти. Вот орган пилсудчиков „Глос Правды“ написал статью „Бессмысленность массовых арестов“, направленную против ликвидации „Громады“ и против министра Мейштовича. (Впоследствии на „Глос Правды“ прикрикнули, и он переменил свое „убеждение“.)

Так вот мы берем смелость утверждать, что в настоящий момент г. Мейштович является как бы диктатором общественного мнения кресового землевладения и что в настоящий момент он является популярнейшим политиком среди всего кресового общества“.

Этим, собственно говоря, все сказано. Мейштович — представитель крупного землевладения на окраинах, монархист, лояльнейший из лояльнейших слуг династии Романовых, участник верноподданнейшей манифестации в момент открытия памятника Екатерине II, ныне министр юстиции в правительстве Пилсудского, пытающийся мечом классового правосудия продлить существование своего класса, обреченного на гибель. С благословения Пилсудского им произведен разгром „Громады“. Этот разгром — один из результатов Несвежа, где земельные магнаты обещали поддержку Пилсудскому, если он будет отстаивать их классовые интересы. А эти интересы не ограничены межами Речи Посполитой. Имения польских магнатов ранее были и в Восточной Украине, и в Восточной Белоруссии, и в Литве, и польские магнаты все еще лелеют мечту о возвращении им этих имений. Их интересы, великодержавные мечты Пилсудского о Польше „от моря до моря“ и планы консервативного правительства Великобритании, направленные против СССР, совпадают. Эти три фактора и определяют политику Пилсудского „на кресах“ и, в частности, в Западной Белоруссии. Для осуществления этих целей всякое революционное массовое движение в Западной Белоруссии представляет большую опасность. Польское правительство стремится всеми силами водворить в этом краю такой „порядок“, какой в оное время, подавляя польское восстание в 1830—31 г.г., водворяло в Польше царское правительство, чтобы, в случае войны, обезопасить себя от всякой диверсии внутри страны.

Вот чем был обусловлен разгром „Громады“, приведший в такой восторг виленских матерых монархистов. В этом разгроме они увидели нечто родное, романовское, в блаженные времена Николаев и Александров Романовых оберегавшее их от притязаний „мужичья“. И действительно, разницы между расправой, проведенной „демократической“ Польшей, и теми расправами, какие проводились в столыпинской России — нет.

В начале января 1927 года 4 громадских „неприкосновенных“ депутата в польском сейме были арестованы, несмотря на то, что по конституции депутат не может быть арестован без разрешения сейма, за исключением случая, когда он пойман „на месте преступления“. Вслед за этим последовали массовые аресты по всей Западной Белоруссии. В Белостокском районе было произведено 692 обыска и 116 арестов, в Виленском воеводстве—до 300 арестов. Некоторое время спустя после этого разгрома партия „Громады“ была властями распущена. В высшей степени характерно, что в это же время правительство панской Польши с таким же остервенением набросилось на польскую „Независимую крестьянскую партию“ и усилило перманентные репрессии по отношению к компартии Польши на всем протяжении государства, вскрывая этим подлинную классовую сущность жандармско-полицейских мероприятий по отношению к Западной Белоруссии.

Десять месяцев велось следствие по делу „Громады“. Десять месяцев изысканные издевательства, пытки, избиения применялись к заключенным, которые отбивались от палачей единственным находящимся в их распоряжении средством — голодовкой. Но это не останавливало инквизиторов в их рвении, тем более, что они убедились, что аресты не достигли цели, что расчет на терроризирование населения не оправдался. В ответ на эти аресты тысячи крестьян внесли за своими подписями протест и в сейм и правительству. Враждебное отношение населения Западной Белоруссии к панской Польше не ослабло, а усилилось.

В настоящее время правительство Пилсудского готовит судебную расправу над „Громадой“.

Обвинять „Громаду“ в том, что она вела борьбу, отстаивая насущные интересы белорусских трудящихся масс — польское правительство не может, так как такое обвинение лишь усилило бы влияние „Громады“ даже в самых малосознательных слоях бело-

русского населения. Учитывая это и считаясь с тем, что в западно-европейских странах оно найдет сочувственный отклик, когда наклеит на эту расправу ярлык расправы с большевизмом, правительство Пилсудского изготовило обвинительный акт соответственно этой своей цели. Оно обвиняет членов „Громады“ в том, что они „приняли участие в руководящих организациях польской компартии и компартии Западной Белоруссии и, по поручению центральных комитетов вышеупомянутых партий, создали конспиративную группу, руководящую организацией и деятельностью явных политических группировок, действующих под вывеской „Белорусской Рабоче-Крестьянской Громады“ и „Независимой крестьянской партии“, — для использования этих группировок для международных коммунистических стремлений и в пользу правительства СССР, а именно—для подготовки вооруженного бунта, для низвержения существующего в Польском государстве социального строя и отторжения от него в пользу Советской России северо-восточных воеводств“.

Сочинив это обвинение, послушная приказаниям польской дефензивы польская прокуратура приплела к этому и Коминтерн, и Крестинтерн, и „московские деньги“, и все, на что способна фантазия охранников, для того, чтобы подогнать обвинение под первую часть 102 статьи царского кодекса“.

Каков будет приговор суда—предугадать не трудно.

Этой же статьей пыталось спастись и царское самодержавие, и результаты налицо. Эту же статью теперь пускает в ход и правительство б. „социалиста“ Пилсудского, пытаясь терроризировать 3½-миллионное население Западной Белоруссии кровавой расправой над ее представителями, обольщая себя надеждой, что на его окрик „руки вверх“ рабочие и крестьяне поднимут покорно руки. Этому не бывать! В ответ на „руки вверх“ последует — „руки прочь“! Только этого и добьются паны.

Цена 12 коп.

Заказы и заявки направлять в Издательство ЦК МОПР СССР:
Москва, ул. Огарева, № 4. Тел. 3-26-29 и 3-24-61